

Моя дорогая нога

И вот теперь они давали мне кое-какие шансы. В открытке, которую они прислали, предлагалось прийти в контору, и тотчас же туда отправился. Они были весьма любезны в этой своей конторе. «Гм»,— сказали они, достав из картотеки мою карточку. Я тоже сказал: «Гм».

—Какая нога?— спросил чиновник.

—Правая.

—Совсем?

—Совсем.

«Гм», повторил он и принялся рыться в каких-то бумажках. Я позволил себе присесть.

Чиновник нашел, наконец, ту, которая показалась ему подходящей.

—Думаю, это вам подойдет,— сказал он.— Да, милое дело, к тому же вы будете сидеть. Чистильщик обуви в общественной уборной на площади Республики. Ну как, годится?

—Я не умею чистить обувь. Мне всегда попадало за то, что я не умею чистить сапоги.

—Ну, этому можно научиться. Можно всему научиться. Немец все может. Если хотите, можете пройти бесплатные курсы.

—Гм,— сказал я.

—Значит, договорились?

—Нет,— сказал я.— Не договорились. Я хочу, чтобы мне повысили пенсию.

—Вы спятили,— заметил он

сочувствующе.

—Я не спятил, но только ни один человек на свете, не сможет вернуть мне мою ногу. Я не могу торговать даже сигаретами, даже это мне теперь трудно.

Чиновник откинулся в своем кресле и тяжело вздохнул.

— Дорогой друг,— заговорил он,— ваша нога чертовски дорогая нога. Я вижу, сейчас вам двадцать девять. Сердце в порядке, да и вообще все в порядке, не считая ноги. Вы проживете все семьдесят. И вот теперь подсчитайте, пожалуйста: семьдесят марок ежемесячно, то есть двенадцать раз в году. Итак, помножьте все это на сорок один, прикиньте, пожалуйста. Хотя бы даже и без процентов. Притом, учтите, что ваша нога — это не единственная нога.

Вы тоже не единственный, кто по всей вероятности жить будет очень долго. Вот. А вы — повысите пенсию! Простите меня, но вы просто спятили.

— Господин чиновник,— сказал я, в свою очередь откидываясь назад и с трудом переводя дух,— господин чиновник, мне кажется, вы сильно недооцениваете мою ногу. Моя нога стоит много больше, ручаюсь вам. Это чрезвычайно дорогая нога. Видите ли, у меня не только сердце, но, к сожалению, и мозги еще пока в полном порядке. Вы только послушайте...

—У меня очень мало времени.

— Послушайте,— сказал я.— Потому как моя нога спасла жизнь целой массе людей, которые получают сегодня весьма приличную пенсию.

Дело тогда было вот как. Совершенно один я лежал где-то на переднем крае и должен был внимательно вслушиваться с тем, чтобы, когда они придут, наши могли вовремя

смыться. Штабы позади меня давно уже были свернуты, они не хотели только уходить слишком рано. Но слишком поздно они тоже не хотели. Нас было двое сначала, но того хлопнули, тот уже больше ничего не стоит. Он был, правда, женат, но жена здорова, то есть может работать, вам ее нечего опасаться. Так вот, значит, тот был страшно дешев. Служил он всего лишь четыре недели и стоил ничуть не больше почтовой открытки или кусочка черняшки. Все ж-таки он был бравым солдатом, потому что уж по крайней мере позволил убить себя. А теперь я лежал один, и мне было страшно, и было холодно, и тоже очень хотелось смыться, да, только что я задумал смываться...

—У меня очень мало времени.

—Нет, вы слушайте, — сказал я,— Сейчас будет самое интересное. Только я решил смываться, как все это дело с ногой и вышло. Хотя подняться я теперь уже не мог, я все ж-таки подумал: передать по телефону ты им еще можешь. И я передал. И тут они стали драпать, все они стали драпать, поочередно, сначала дивизия, затем полк, затем батальон, ну, и так далее, стройными рядами. Глупая история, потому что, представляете, в суматохе они как-то позабыли прихватить меня. Они же спешили. Да что тут говорить, скверная история, ибо не потеряй я ногу, все бы они погибли, и генерал, и полковник, и майор, поочередно, стройными рядами, и вам бы не пришлось выплачивать им пенсию. И вот теперь подсчитайте, сколько же стоит моя нога. Генералу пятьдесят два, полковнику сорок восемь, майору тридцать, все абсолютно здоровы, и голова, и сердце—все у них в норме, к тому же при своем армейском образе жизни они наверняка будут тянуть до восьмидесяти, как Гинденбург. Подсчитайте теперь, пожалуйста, помножьте сто шестьдесят на двенадцать и потом еще на тридцать, это в среднем на тридцать, не так ли? Моя нога стала страшно дорогой теперь, понимаете, самой дорогой, которую только можно

себе представить.

— И все-таки вы спятели,— сказал чиновник.

— Нет, — ответил я,— не спятил. К несчастью, мозги мои пока еще в полном порядке, как и сердце, и очень жаль, что за пару минут до того, как вышло все это дело с ногой, меня тоже не хлопнули. Мы бы тогда наверняка сэкономили огромную кучу денег.

—Берете вы место или нет?— спросил он.

—Нет, — сказал я и вышел.

Перевел с немецкого
Анатолий ГАЙДЕНКО.